

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010026

Обозначения мужа в лингвосемантическом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг)

© 2024 г. Т. А. Михайлова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
tamih.msu@mail.ru

© 2024 г. М. В. Орлова

Младший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
mriaorlova@gmail.com

© 2024 г. А. А. Смирнитская

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
nyushas@gmail.com

© 2024 г. И. В. Федотова

Научный сотрудник Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 127051, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3
idal.fedotova@gmail.com

Резюме. Исследование представляет собой второй раздел работы, посвященной выявлению и описанию моделей-паттернов стратегии номинации обозначений «мужа, супруга» в языках Евразии. Описана модель М-2 «муж как соционим», внутри которой выделены подгруппы: М-2-1 муж как «женатый человек», М-2-2 муж как «сила и власть», М-2-3 муж как «хозяин» и М-2-4 муж как «старик». Полученные данные нанесены на карту Евразии и демонстрируют предпочтения последней модели в уральских языках, тогда как языки германские и ряд других склоняются к модели М-2-3 и М-2-2. Описана также менее продуктивная модель М-3, внутри которой в свою очередь выявлены группы: М-3-1 муж как «пара в упряжке», М-3-2 муж как (законный) «друг» (наиболее распространена в скандинавском ареале, а также оказывается продуктивной для отражения современных реалий, связанных с изменениями самого института брака, и М-3-3 муж как «жена» (отражает тенденцию к зеркальности обозначений супругов). Был проведен анализ конкретных употреблений лексем-синонимов (неожиданно обильных в данной сфере), что заставило предположить, что понятие «муж» (как и «жена») может вообще не относиться к ЛСГ «термины родства и свойства» и более того — к области «базовой» лексики. При анализе конкретных случаев употребления была также отмечена ориентация на коммуникативную стратегию говорящего как и собственно Эго (в данном случае жена), так и третьих лиц, констатирующих в речепроизводстве сам факт состояния ЭГО с определенным лицом в определенных отношениях. Иными словами, можно сказать, что если такие неоднозначно (?) определенные лексические зоны, как, например, зоонимы, входят в зону **языка**, стратегия номинации и выбора термина «супруга» относится скорее к зоне **речи**.

Ключевые слова: термины родства и свойства, индоевропейские языки, дравидийские языки, алтайские языки, семантические переходы, база данных DatSemShift.

Для цитирования: Михайлова Т.А., Орлова М.В., Смирнитская А.А., Федотова И.В. Обозначения мужа в лингвосемантическом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 13–28. DOI: 10.31857/S1605788024010026

“Husband” Designations: a Classification of Nomination Models in the Linguo-Semantic Field of Eurasia: Husband as a Socionym, Husband as a Friend

© 2024 Tatyana A. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

© 2024 Mariia V. Orlova

Junior Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
mriaorlova@gmail.com

© 2024 Anna A. Smirnitckaya

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia
nyushas@gmail.com

© 2024 Idalia V. Fedotova

Researcher at the National Research University
“Higher School of Economics”,
3 bld. 21/4 Staraja Basmannaya Str., Moscow, 125009, Russia
idal.fedotova@gmail.com

Abstract. The article presents the second section of a study devoted to identifying and describing models (patterns) of the strategy for designating the notions “husband, spouse” in the languages of Eurasia. The M-2 model “husband as a socionym” is described, within which a number of sub-groups are identified: M-2-1 husband as a “married man”, M-2-2 husband as “power and authority”, M-2-3 husband as a “master” and M-2-4 husband as an “old man”. The data plotted on the map of Eurasia demonstrate a preference for the latter model in Uralic languages, while Germanic languages and a number of others lean toward the M-2-3 and M-2-2 models. The less productive model M-3 is also described, within which the following groups are identified: M-3-1 husband as a “partner in harness”, M-3-2 husband as a “(legal) friend” (most common in the Scandinavian area, as well as productive for reflecting modern realities associated with changes in the very institution of marriage), and M-3-3 husband as a “wife” (reflects the tendency towards mirror designations of spouses). An analysis was carried out of the specific uses of synonymous lexemes (unexpectedly abundant in this sphere), which led to the assumption that the concept of “husband” (as well as that of “wife”) may not at all relate to the semantic domain “terms of kinship and properties” and, moreover, to the area of “basic” vocabulary. When analyzing specific cases of use, an orientation towards the communicative strategy of the speaker was also noted, both of the Ego itself (in this case, the wife), and of third parties, mentioning in their speech the fact of a certain relationship between Ego and a given person. In other words, it can be stated

that if such uniquely (?) defined lexical zones as, for example, zoonyms are included in the language zone, the strategy of nomination and selection of the term meaning “husband” belongs rather to the speech zone.

Key words: kinship terminology, Indo-European Languages, Dravidic Languages, Altaic Languages, semantic shifts, DatSemShifta database.

For citation: Mikhailova, T.A., Orlova, M.V., Smirnitckaya, A.A., Fedotova, I.V. *Oboznacheniya muzha v lingvosemanticheskom pole Evrazii: klassifikaciya modelej (muzh kak socionim i muzh kak drug)* [“Husband” Designations: a Classification of Nomination Models in the Linguo-Semantic Field of Eurasia: Husband as a Socionym, Husband as a Friend]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 13–28. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010026

Настоящее исследование представляет собой продолжение работы [1]. Описав достаточно детально модель номинации, названную условно «муж как мой мужчина/человек» (М-1), мы обратились к другим паттернам, опирающимся уже не на речь ЭГО (жены), но на некие в основном социальные модели, в которых отмечается принципиально новый статус мужчины, вступившего в брак. Выбор опорной лексемы для обозначения мужа предстает в таких случаях как статусно обусловленный.

Модель М-2: Муж как соционим

Деривационная модель, условно названная нами М-2, реализующая семантику взрослости, зрелости и обладания собственным домом (хозяйством), представлена большим числом разнообразных семантических переходов, объединенных одним стержнем: в них (эксплицитно) не учитывается позиция жены и даже не всегда предполагается ее наличие. При этом в стратегии номинации имплицитно содержится указание на определенный социальный статус, которым обладает женатый человек. Как верно отмечает И.Б. Качинская, «лексико-семантическая группа “Термины родства” тесно связана с другими группами, в том числе с группой половозрастной номинации и группой “Социальный статус”» [2, с. 34]. Сказанное о языковом материале архангельских говоров и стоящей за ними устойчивой (и далеко не наивной) картине мира, данное утверждение является, безусловно, универсальным. В базах данных фиксируются разнообразные переходы, отражающие представление о социальном сдвиге, происходящем в результате женитьбы: свободный молодой человек получает новый статус и новое наименование, которое может трактоваться и как не собственно термин свойства (муж, супруг), и как соционим.

Так, например, в Индии вступление в брак и создание семьи означает для мужчины переход на новый жизненный этап — он становится *грихастха*, домохозяином, переходит на вторую

ступень в законе четырех стадий жизни (*варна — ашрама — дхарма*). Как пишет М.Ф. Альбедиль, «закончив период ученичества и совершив обряд возвращения домой, “дважды рожденный” должен был как можно скорее вступить в брак... Стадия домохозяина рассматривалась как центр и основа всей социальной структуры», см. [3, с. 153]. Соответственно, меняется его цель в жизни: он отходит от ученичества и становится добытчиком, его цель — *артха*, достижение материального благосостояния, а также *кама* — физическое и эмоциональное удовлетворение (и конечно, *дхарма*, религиозный долг, регулярное выполнение религиозных обрядов), таким образом, женитьба означает не просто вступление в брак, но и получение нового статуса. Аналогичным образом в Древней Ирландии, как пишет Ф. Келли, статус *bóaire* ‘владелец скота’ мог иметь только женатый мужчина, причем женатый на дочери человека своего ранга (см. [4, с. 2]). Обращение к другим архаическим правовым текстам, предположительно, расширило бы число примеров, иллюстрирующих противопоставление женатого мужчины холостяку в традиционном обществе¹.

Анализ конкретных семантических моделей, опирающихся на фиксацию получения и сохранения мужчиной особого социального статуса, позволил выделить внутри группы ряд следующих субтипов.

Модель М-2-1: муж как «женатый»

В ряде случаев (но далеко не всегда) перемена статуса может закрепляться в языке посредством

¹ Так, в культуре Африки неженатый мужчина не может не только быть полноправным членом сельской общины, но даже «ни землю, ни козу купить» — Е.В. Перехвальская (устное сообщение). Отчасти такая позиция сохраняется в культуре европейской применительно к священнослужителям (в православии и протестантизме) и к лицам, находящимся на дипломатической службе. Более высокий социальный статус женатого мужчины, по сравнению с одиноким, которого «каждый может обидеть», отмечается и в русском «Домострое» (см. [8]).

непосредственной деривации к основе, имеющей значение 'брак, женитьба'. Это относится к стратегиям номинации по моделям *to marry* → *husband* (в базе DatSemShift # 4808). Так, например, данный переход широко представлен практически во всех в романских языках², в которых обозначения «мужа» восходят к лат. *maritus* 'женатый', этимологически — 'обладающий молодой женщиной' (к и.-е. **mor-(e)i-* 'девушка' с посессорным суфф. *-to-* [5, с. 365], т.е. реализующий ту же модель, что и русск. *женатый*). Ср. франц. *mari*, итал. *marito*, катал. *marit*. Ср. также русск. разг. *женатик* — как женатый мужчина, обычно — молодой, недавно вступивший в брак, образованное по той же модели (ср. примеры из интернета: *У меня уже все друзья женатики; Кому-то нужно заниматься деторождением и пополнять ряды женатиков* и под., ср. также *женатик* с пометой *шутл.* в [6, с. 192]).

Интересно, что уже в поздней латыни *maritos* дало также женскую форму *marita* 'жена, супруга', в текстах встречающуюся реже [7, с. 593] и романскими языками вообще не востребованную. Эрну и Мейе данную форму считают редкой и поздней, встречающейся лишь в текстах эпохи Империи и, видимо, не проникшей в народную латынь. Семантически, в диахронической перспективе, данная форма предстает как абсурдная (жена как «обладающая женщиной»), но, как мы увидим, на синхронном уровне иллюстрирует особого типа языковую стратегию.

Ср. также деривацию *maduve* 'женитьба, брак' → *madivana* 'муж, супруг' в языке каннада (дравидийская семья)³ [9, с. 760], а также в северо-дравидийском языке курух — *beñjrkas* 'первый муж женщины' от *beñjnā* 'жениться', см. [10].

В современном ирландском соответствующая лексема, *pósta* 'женатый, замужняя', образованная от глагола *pósadh* 'вступать в брак; женить, венчать' (позднее норманск. заимствование, изначально — от лат. *sponsus* 'жених, обрученный'), в качестве предиката-причастия может быть употреблена как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине. *Táim pósta* — 'я женат, я замужем'. В то же время как субстантивированное причастие слово традиционно употребляется

² В румынском квалифицируется как архаизм, вытеснено более распространенными *soț* «спутник» и *bărbat* «бородатый» (о чем см. ниже).

³ Вне Евразии аналогичная деривационная модель представлена в языке фаталуку (Новая Гвинея): *kave* 'вступать в брак' — *kavenu* 'муж, супруг' (данные базы DatSemShift). Возможно, на карте мира можно было бы найти и другие примеры реализации данного семантического перехода.

только по отношению к мужчине, ср. традиционное сочетание: *idir aonta is pósta* 'и одинокие, и женатые' — о мужчинах [11, с. 858].

Исходное лат. *spōnsus* 'жених', букв. 'обрученный', в свою очередь при переходе в романские языки сменило семантику на 'муж, супруг' (откуда франц. *époux*, исп. *esposo*, порт. *esposo*, итал. *sposo* и др., ср. также карельск. *sulahan'e* колексификация — 'жених, муж' [12, с. 281], и точно такую же колексификацию в тамильском *māppillai* и *mañāḷaṅ* 'жених, муж' [13, с. 3040, 3160] и в другом дравидийском языке куи *jāma* 'жених, муж', по [14] см. в базе DatSemShift # 6602 *engaged, bridegroom* → *husband*). В свою очередь лат. *spōnsus* имеет относительно позднее происхождение [7, с. 967] и восходит к *spōnsa* 'невеста' (как девушка, которую отец по договору передает, *spondet*, жениху). Таким образом, обозначение мужа как «обрученного жениха», с одной стороны, маркирует изменение социального статуса и может быть включено в число реализаций модели М-2, но при этом, с другой стороны, демонстрирует тенденцию к образованию зеркальных номинаций супругов и входит в число реализаций модели М-3 (о чем ниже).

Однако, несмотря на то, что модель М-2-1 (усл. «женатый») в фокусе эмпатии не обращена непосредственно на ЭГО (жену, в отличие от модели М-1. усл. «мой мужчина»), имплицитно наличие жены, супруги в ней, естественно, присутствует. Поэтому данную модель можно считать переходной по отношению к моделям номинации «мужа», опирающимся на его социальный статус. Кроме того, ни *grīhastha* Древней Индии, ни *bóaire* Древней Ирландии, хотя и предполагают наличие определенного брачного статуса, собственно номинациями «мужа, супруга» не являются.

Модель М-2-2: муж как «сила и власть»

Выделение внутри отмеченной модели М-2 («муж как соционим») ряда субгрупп представляет собой известную сложность, так как демонстрирует пронизываемость семантических полей, находящуюся в контекстуальной зависимости от стратегии говорящего и традиционного узуса номинации. Так, после совместного обсуждения нами было принято решение выделить внутри группы М-2 модель М-2-2, условно (и, возможно, не очень удачно) названную нами «муж как сила и власть». Сложность выделения данной модели обусловлена еще и тем, что, с одной стороны, она отчасти перекрывается реализациями модели М-1 («мой князь», см. в предыдущем разделе), но, с другой — в ряде случаев примыкает к модели М-2-3 («муж как хозяин»).

Отмеченная проницаемость семантических полей реализуется и на уровне диахронии. Так, как правило, с одной стороны, само обозначение мужчины базируется на семантике могущества, воинственности, героизма, храбрости и проч. Общеслав. **mǫžъ* предположительно обозначает не только лицо мужского пола, но и человека, обладающего мужеством, храбростью, человека зрелого и сильного (рефлексы в славянских языках, а также деривацию см. [15, с. 153–160]). На и.-е. уровне общеславянская основа с суффиксальным образованием, предположительно, восходит к корню **men-/mon-* ‘думать, размышлять’ [16, с. 700], изначально кодирующему в данном случае обозначение не собственно мужа, но человека, видимо — как «когнитивное существо» [17, с. 204]. Греч. *ἀνήρ* ‘мужчина, муж, герой’ восходит к и.-е. основе **h_anēr-* ‘сила, могущество’ (см. деривацию и когнаты в [17, с. 203], а также [18, с. 104–105]). Ср. также позднелат. *barō* ‘воин, наемник’, давшее старофранц. *baron* ‘муж, супруг’ (германское заимств., к основе с общим значением ‘сражаться’). Видимо, в данном случае реализуется не столько оппозиция «свободный — женатый» человек, сколько «юноша — взрослый воин», то есть тот, кто потенциально может стать супругом⁴.

Наблюдающееся в этом переходе развитие смыслов еще в XIX в. описывал филолог П.А. Лавровский: «Остановим свое внимание на смысле, придававшемся и придающемся слову “муж” в степенях возраста человеческого: здесь встречаем понятие силы, крепости, мощи, вследствие чего образовались и слова “мужество”, “мужественный”, “мужаться” и т.п.» [19, с. 4].

С другой стороны, готс. *aba* ‘муж’, предположительно, по мнению В.П. Лемана [20, с. 1], соотносится с др.исл. *afli* ‘могущество, власть’ (др.англ. *afol* ‘то же’, при др.в.н. *uobo* ‘фермер, хозяин дома’) и таким образом реализует в диахронии переход М-2-2 → М-2-3 с семантикой ‘господин, хозяин дома’. В данном случае предложенная З. Файстом (и поддержанная В. Орлом в [21, с. 1]) этимология, возводящая готск. *aba* к «детскому языку» и обозначению старшего в семье (при др.исл. *afi* ‘дед, старик’ и проч. [22, с. 1]), предстает семантически не мотивированной. Более того, дошедшие до нас готские контексты не позволяют с уверенностью говорить о том, что лексема *aba* реализует семантику М-2-2, а не М-2-3. Действительно, все три зафиксированных контекста относятся к маргинальной семантической зоне употребления, то есть обладают значением, которое может

быть интерпретировано и как «хозяин дома, глава семьи», и как «узаконенный партнер конкретной женщины»:

1. jah auk ufwaira qens at libandin **abin** gabundana ist witoda; abpan jabai gaswiltip **aba**, galausjada af þamma witoda abins⁵. — «Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества» (К Римлянам, 7, 2);
2. 3 wiljaup-þan izwis witan þatei allaize **abne** haubip Xristus ist; ip haubip qinons **aba**; ip haubip Xristaus guþ. 4 luazuh **abne** bidjands aipþau praufetjands gahulidamma haubida gaaiwiskoþ haubip sein. — «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову» (К Коринфянам, 1, 11, 3–4);
3. 22 qenes seinaim **abnam** ufhausjaina swaswe frauin; 23 unte **wair** ist haubip qenais swaswe jah Xristus haubip aikklesjons, jah is ist nasjands leikis. 24 akei swaswe aikklesjo ufhouseip Xristu, swah qenes **abnam** seinaim in allamma. — «Жены, повинуйтесь своим **мужьям**, как Господу, потому что **муж** есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим **мужьям** во всем» (К Ефессянам, 5, 22–24).

Последний пример показывает, что отсутствующая в русском синодальном переводе, как и в греческом оригинале⁶, оппозиция *муж* (мужчина) и *муж* (супруг, глава семьи) в интерпретации Вульфилы присутствует: фраза «муж есть глава жены», видимо, понимается им как «мужчины главнее женщин» (вообще), и поэтому жены должны повиноваться мужьям своим (в частности). К сожалению, фрагмент готского перевода Евангелия от Иоанна, в котором со всей определенностью фиксировалось бы значение М-1, но не М-2 («...Правду ты сказала, что у тебя нет **мужа**, ибо было у тебя пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе» — Ин, 4, 17–18), до нас не дошел.

Эта властная позиция мужа подчеркивается и в древнеиндийских религиозно-нравственных предписаниях: «154. Муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем как бог». И далее, «155. Для жен не существует отдельно жертвоприношения, обета, поста; в какой мере

⁵ Источник цитирования: <https://www.wulfila.verbix.com> (дата обращения: 15.09.2023).

⁶ 22. Αἱ γυναῖκες τοῖς ἰδίοις ἀνδράσιν ὡς τῷ Κυρίῳ, 23. ὅτι ἀνὴρ ἐστὶν κεφαλὴ τῆς ἑκκλησίας ὡς καὶ ὁ Χριστὸς κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας... — <https://www.bible.in.ua> (дата обращения: 07.11. 2023).

⁴ Естественно, вспоминается пушкинское: «Слышу речь не мальчика, но мужа».

она повинуется мужу, в такой же она прославляется на небе» (цит. по [23]).

Аналогичное семантическое развитие имеет и китайское *zhàngfū*, которое в качестве первого имеет значение ‘мужчина, зрелый человек, муж высоких качеств, муж доблести’ (и может применяться также по отношению к женщине-рыцарю), а в качестве второго — ‘муж, супруг’ (при *nánrén* ‘мужчина, существо мужского пола’, в форме *nánren* также имеющее значение ‘муж’, модель М-1)⁷.

В базе данных DatSemShift к соответствующим моделям можно отнести переход # 8263 *noble, title* → *husband*, имеющий только две реализации, обе — из языков нигер-конго (с пометой, что данное употребление возможно только в речи жены при обращении к мужу), а также # 2716 *monarch* → *husband* (данные дравидийских языков, три реализации) и # 5038 *lord* → *husband*. Последний переход представлен 17 реализациями, в основном в дравидийских языках, а также и.-е. языках Индии (ассамском, панджаби), Бали, Камбоджи (кхмерском) и Лаоса, причем в основном речь идет о вокативах (иногда выраженных нулем). Обращаясь к языкам Европы, как кажется, можно было бы добавить в данную группу, например, и румынское *gospodar* ‘хозяин, господин, государь (титул)’, которое приобретает значение ‘муж’ только при обращении жены к соответствующему мужчине, и также само англ. *lord*, в базе отсутствующее. Ср. в данной связи интересный пример обращения к супругу, согласно указанной модели, в романе Луизы Олкотт «Маленькие женщины»:

- What does Amy call you?
- *My lord*.
- That’s like her. Well, you look it...⁸

Стратегия номинации в данном случае довольно прозрачна: за ней стоит элевация мужа как объекта речи жены (см. отмеченное нами в предыдущем разделе аналогичное употребление «мой князь»), а также самого института брака как строящегося на неравноправии, что для современной европейской культуры, действительно,

⁷ См.: Онлайн китайско-русский словарь. <https://www.zhongangu.ru> (дата обращения: 07.09. 2023).

⁸ <https://gutenberg.org/ebooks/514>. В русском переводе смысл несколько изменен: «Как тебя зовет Эми? — Милорд. — Похоже на нее. Да, пожалуй ты так и выглядишь» (пер. М.Ю. Братищевой). Оригинальное «мой господин» заменено на традиционное обращение к мужчине дворянского звания в Англии, что в данном случае в устах жены выглядит как ирония, как если бы, например, русская жена называла мужа «Ваше сиятельство». Напомним, что действие происходит в Америке и герой не может быть английским джентльменом. Однако в то же время обращение «мой господин» в русском переводе звучало бы также неуместно.

не очень уместно. Более того, реализации данных моделей семантических переходов не полностью отвечают выделенному условию — обозначению мужа как соционима, поскольку получают соответствующее семантическое наполнение лишь при перемещении фокуса эмпатии на жену (*мой господин, её господин* и под., т.е. отчасти реализуют модель М-1). Но в то же время обозначение «мужа» как «господина» приближает его к другой модели, условно обозначенной нами как «муж как хозяин» (М-2-3).

Модель М-2-3: муж как «хозяин»

В обозначениях мужа данная модель распространена достаточно широко (в базе DatSemShift # 2086 *owner* → *husband*, 55 реализаций) и представляет собой соционим в чистом виде, т.е. не требует введения дополнительного посессора. Предположительно, данная модель имеет достаточно архаический характер и одна из ее реализаций может быть реконструирована на и.-е. уровне.

В данном случае как базовая для раннего общеиндоевропейского периода может быть названа реконструируемая Меллори и Адамсом лексема **pōti-s* [17, с. 207], ср. лит. *pats* при *pati* ‘жена’, скр. *pati-* ‘муж, супруг’ ~ *patnī-* ‘жена, супруга’, др.гр. *πότις* ‘супруг’ (см. [16, с. 842]), откуда также, в частности, и русск. *гос-под-ин* — букв. «хозяин дома, кто оказывает прием гостям» (см. [24, с. 209]). Ср. *pati* ‘господин, хозяин; муж’ в языке каннада, заимствованное из санскрита. Ср. также лат. *hospes, -pitis* ‘хозяин дома’ < **hosti-potis*. В качестве реконструируемой семантики лексемы предполагается — **pot-* ‘мочь, обладать силой’, ср. латинские продолжения и.-е. основы — *possum, potui* ‘могу’, *potens* ‘могущественный, способный’ и проч. Ср. *pati* ‘господин, хозяин; муж’ в языке каннада и *pati* ‘хозяин дома, муж’ в тамильском, заимствованные из санскрита. Согласно предположению А. Эрну и А. Мейе на и.-е. уровне образование **pōti-s* «обозначало в более широком смысле главу какой бы то ни было группы... В латинском значение ‘хозяин дома; супруг’ у лексемы не сохранилось, так как было вытеснено образованием — *dominus*» [7, с. 799], которое в свою очередь восходит к лексеме *domus* ‘дом, жилище’ в расширенном значении — «хозяйство, семья» (см. [17, с. 206], уточнение значений лат. *dominus* см. также [25, с. 571]). Именно в этом значении в качестве «стартового» от *dominus* был образован женский вариант — *domina* ‘хозяйка дома, жена, госпожа’ (откуда франц. *dame* ‘госпожа; замужняя женщина’).

Аналогичное развитие «хозяин/хозяйка (дома)» → «муж, жена» для германских языков отмечает и К. Бак, в первую очередь — для шв. *hustru* 'жена' (букв. «дома-женщина» [26, с. 96], ср. совр. ирл. *fear/bean tí* 'хозяин/хозяйка дома' (букв.: «мужчина/женщина дома»). Однако приведенные выше и.-е. лексемы, восходящие к реконструируемой основе **pōti-*, реализуются, как правило, самостоятельно и не нуждаются в поддержке определением с семантикой 'дом, жилище'. И.-е. **pōtis* в значении М-2 теоретически могло означать и 'глава семьи, группы', не обязательно привязанной к определенному локусу. Более того, нет уверенности и в том, что этой же лексемой мог обозначаться владелец жилища (и земли), не состоящий в браке или вдовый. На самом деле это вопрос достаточно тонкий и, насколько можно судить по работам тех же Меллори и Адамса, понятия «глава семьи, муж» и «хозяин дома» во многом были синонимичны. Ср. и.-е. основу **kēiŋ-os*, 'дом, хозяйство, общество', кодирующую «скорее социальную организацию, чем строение как таковое» [17, с. 221], и ее разнообразные продолжения в языках-потомках (лат. *cīvis*, др.англ. *hīwan* 'хозяйство' при латышск. *sieva* 'жена'). В тамильском лексема *āttu-k-kārar* с изначальной семантикой 'хозяин дома' получает также значение 'муж' [13, с. 225]. Ср. аналогичное развитие в болг. *стопанин* — 'крестьянин, хозяин дома, муж' [27, с. 635].

Широко представленная в индо-иранском, германском регионе, а также в языках Кавказа данная модель семантической деривации встречается реже в зоне распространения уральских языков (в обобщающей работе, посвященной типологии обозначений «мужа» в Ямало-Ненецком АО [28] он вообще не отмечен), однако, предположительно, в ряде регионов она могла реализоваться под влиянием контактного русского языка и русской культуры. Так, в удмуртском заимствованное *хозяин* употребляется также в значении 'муж', ср. также карельск. *iz'än'd'ä* 'хозяин дома, муж' [12, с. 71].

Обращает на себя внимание также тот факт, что образование обозначения мужа от лексемы с семантикой 'хозяин, владелец' имеет тенденцию к колексификации с нюансированной семантикой — «владелец дома, фермер, крестьянин». Англ. *husband*, являющееся скандинавизмом, реализовало переход *owner* → *husband*, тогда как в других скандинавских языках он в полной мере не реализовался. В шведском *husbonde* употребляется только как парное при *hustru* 'хозяйка дома, жена', имеющем гораздо более широкую

семантику и распространение⁹ (см. [29, с. 373]). Аналогичным образом и нем. *Hausherr* — букв. «дома господин» — имеет не столько семантику М-2-3 («женатый человек, хозяин дома»), сколько обозначает главу семьи в целом. Впрочем, между последними понятиями семантическое различие представляется очень тонким.

По данным Клисби, в др.исл. *bóndi* само по себе, кроме значения 'владелец земли, крестьянин, хозяин дома и скота', имеет также семантику — 'муж', однако это значение авторы выделяют в качестве второго при первом — 'хозяин дома' (см. [30, с. 74]). Ср., например, сочетание:

...einn bóndi ok húsfreyja — «один крестьянин со своей женой»¹⁰.

Нечто подобное можно отметить и для др.ирл. *aithech*. В саге «Недуг уладов» лексема *aithech* встречается изолированно в начале саги во фразе *Boí aithech somæ di Ultaib i mbennaib slíab et díthrub* — «Был *крестьянин* богатый из уладов на вершинах гор и на пустошах» и *Táncamar co ndigis-siu do fhúaslucud do aithig tige ro-hergabhad lasin ríog* [32, с. 29] — «Мы пришли, чтобы ты пошла освободить твоего мужа (букв. "крестьянина / хозяина дома"), который захвачен королем».

Возможно, аналогичное семантическое развитие прослеживается и в валлийском *prïod* 'муж, супруг / жена, супруга'. Заимствованное из лат. *privatus* 'личный, собственный' и сохранившее во многом соответствующую адъективную «стартовую» семантику (см. [33, с. 2893–2894], в субстантивированной форме слово получило значение 'супруг, супруга' (а также 'добро, владение' и 'владелец'), от чего затем был образован глагол *prïodi* 'вступать в брак'. При сопоставлении с латинскими формами, а также их романскими продолжениями невольно обращает на себя внимание зеркальность валлийских обозначений жены и мужа: оба они кодируются как «собственность» друг друга либо как владельцы совместной

⁹ Можно предположить, что в шведском языке закрепилось обозначение жены как *hustru*, обладающее не собственно семантикой «хозяйка (дома)», но скорее «женщина, занимающаяся хозяйством, домом», и поэтому оно не строго зеркально шв. *husbonde*. С чем-то аналогичным мы встречаемся и в русском употреблении *хозяйка*, не являющемся ни синонимом «госпожи», ни женским эквивалентом *хозяина*. Так, обозначение жены как «моя хозяйка» = «та, кто занимается моим хозяйством», тогда как муж как «мой хозяин» = «мой повелитель, господин».

¹⁰ В переводе Е.А. Гуревич «Пряди о Вёлси», откуда взят пример, дан другой русский эквивалент — «один бонд со своей хозяйкой», что, безусловно, также семантически обусловлено (см. [31, с. 308]).

собственности. Впрочем, говоря строго, у нас нет уверенности в том, что данное образование реализует семантический переход «собственный мужчина / собственная женщина» → «муж/жена». Возможно, учитывая приведенные нами другие значения лексемы, мы можем говорить в данном случае о другом, более распространенном (см. выше) семантическом переходе, при котором значение «хозяин/хозяйка» опирается на маркированное изменение социальной функции лица, в данном случае — обретение статуса хозяина дома. И таким образом, ср. валл. *dy briawd* ‘твой супруг’ изначально имело семантику «хозяин вашего общего дома».

Модель М-2-4: муж как «старик»

Мы предполагаем, что к этой же группе М-2, описывающей супруга с позиций социума, можно отнести и лексемы, реализующие переход «старик» → «муж», надо сказать, очень широко распространенный. В базе данных семантических переходов DatSemShift он имеет номер 860: **old man** → **husband** и в настоящее время представлен 54 реализациями, в основном по данным уральских языков.

См. например: севернохантыйский: шурышкарский *ики* ‘1. старик, мужик 2. муж’ [34, с. 36]: *Имеңән-икиңән илләтән* — «Жена с мужем вдвоем живут».

Как уже отмечено, в уральских языках почти нет перехода ‘хозяин’ > ‘муж’, но см. значение ‘хозяин’ и, наоборот, ‘муж’ > ‘хозяин’: *куща ики* ‘хозяин’ при *куща* ‘хозяин, начальник’ [34]; [58] *хотәң куща* — ‘хозяин дома’, *куща нэңийэ* — ‘хозяйка’. Ср. также казымский, в котором произошла семантическая эволюция ‘старик’ > ‘мужчина, муж’ *ики* [35, с. 70]. Ср. также тундровый ненецкий: *вэсако* (большеземельский и западный говоры) ‘1) старик; 2) муж’ [36, с. 77], лесной ненецкий *вэ”ку* ‘1) старик; 2) муж’ [37, с. 24], лесной энецкий *буси* ‘1) старик, дед (старый мужчина); 2) муж’ [38, с. 86], нганасанский *бэйка”а* ‘1) старик; 2) муж’ [39, с. 29], *бэйкуо* ‘1) старик; 2) муж’ [39, с. 29], селькупский *ира* (кетский диалект, елогуйский говор, туруханский говор) ~ *иррам* (кетский диалект) ~ *ирэ* (елогуйский говор) ‘1) старик; 2) муж’ [40, с. 31], *арá* (нарымский диалект), *áра* (тымский диалект), *ираqота* (тазовский диалект) [LingvoDoc]¹¹, юкагирский колымский (лесной) юкагирский *пулут* ‘1) старик; 2) муж’ [41, с. 256].

¹¹ LingvoDoc — Лингвистическая платформа ЛингвоДок <http://lingvodoc.ispras.ru>.

Модель представлена также в тюркских языках: см. башкирский *ип* ‘мужчина’, ‘муж, старик’, *карт* ‘муж, старик’, *абышка* ‘муж, старик’, татар. *ип, карт* ‘муж, старик’, челканский *апшца, апшык* ‘старик, дед, муж’, теленгитский *апшыяк* ‘старик, муж’ [LingvoDoc]. В ряде случаев в словарях присутствует помета «диалектное, разговорное», однако фиксируются также случаи устойчивой полисемии.

Субвариантом аналогичной семантической стратегии может быть также обозначение «мужа» в румынском: *Bărbat* ‘мужчина’ → ‘муж’, синхронная полисемия, *a lua de bărbat* ‘взять в мужа, выйти замуж за кого-либо’, из лат. *barbatus* ‘бородатый’.

Отметим также возникающую паронимическую колексификацию: ср., например, др.в.нем. *karl* ‘муж’ при совр. нем. *kerl* ‘старик’ [42, с. 364]). То есть в данном случае реализуются параллельно два семантических перехода: «взрослый мужчина, старик» → «крестьянин» и «взрослый мужчина» → «супруг». То есть вновь мы встречаем лексему с необычайно широким экстенционалом, включающим в себя потенциальные семантические реализации — «мужик, плебей, крестьянин — муж, супруг, — хозяин — старик».

Интересно с данной точки зрения регулярное обозначение мужа как «деда» (отмечено, например, в речи Л., 68 лет). На первый взгляд, это реализация той же модели — «муж — старик», в которой *дед* синонимичен *старик*, что действительно наблюдается в простонародной речи. Однако, возможно, в данном случае происходил сдвиг фокуса эмпатии на внука, которой обладала Л. и ее муж. Причем интересно, что данное речупотребление было характерно для некодифицированной и неофициальной речи. Как можно предположить, в ходе официального общения она же назвала бы *деда — мужем*. Более того, во многом выбор номинации Л. опирался на фоновые знания собеседников. Однако в целом данная номинация укладывается все в ту же модель, согласно которой в качестве номинации мужа выбирается не обозначение по отношению к ЭГО, но обозначение полученного субъектом статуса. Ср. также распространенное «отец» при обозначении мужа женщиной, имеющей с ним совместных детей (но не в ходе беседы с этими детьми, что имеет другую интерпретацию), и возможное также только в речи ЭГО.

Особый интерес представляет также обозначение мужа, получившего новый статус, — быть принятым в семью жены. В русском языке для его обозначения существует термин *примак* — муж,

См. ареальное распространение модели М-2 на карте Евразии.

Условные обозначения:

М-2-1 жениться > муж — *зелёный*

М-2-2 сила/власть > муж — *жёлтый*

М-2-3 муж как хозяин — *красный*

М-2-4 муж как старик — *фиолетовый*

принятый в семью (ср. синонимы также русск. диал. — *вдомник, влазень, вабий*). В качестве гиперонима оно имеет не «муж», а скорее — «зять». По данным И. Чельшевой¹², итальянское диалектное *rupillo*, букв. «воспитанник, тот, кого кормят», имеет то же значение — «муж, принятый в семью». По данным О. Христофоровой¹³, крестьяне верхнекамского региона вообще не говорят «выйти замуж» в том случае, если девушка остается в доме родителей: ср. ее пример: «я замуж вообще не ходила, оба мои примаками были». Последний пример очень интересен тем, что в нем употреблен посессив — *мои*, то есть возможно употребление «мой примак» не только со стороны тещи, но и со стороны жены. В то же время обозначения пришедшего в дом (двор) семьи жены мужа в качестве мотивации могут иметь как раз и обозначение данного локуса: *домовик, домовой, дворник, дворян, доможило, домушник* и проч. (см. в данной связи богатую материалом работу [2]). Интересно, что аналогичный семантический

переход (# 8027 *house* → *live-in son-in-law*) в базе DatSemShift зафиксирован также в финском, эстонском и армянском языках, что демонстрирует относительную универсальность в стратегии номинации денотата, опирающуюся на сходство в статусных рамках. Однако, как нам кажется, вынесение данных обозначений в отдельную модель (модели) не представляется правомерным из-за диалектного статуса указанных лексем, а также излишне коннотативной составляющей, выражающейся в реальных употреблениях лексем.

Пользуясь терминологией С.М. Толстой, мы можем сказать, что слова, обозначающие мужа, супруга, образованные по моделям М-1 и М-2, как правило, обладают обширным набором «левой» мотивации семантического поля, то есть «число воплощенных в них разных номинационных моделей» [43, с. 194] достаточно велико. Иными словами, в качестве вторичного значения «муж, супруг» реализуется у относительно ограниченного числа семантем в модели М-1 (мужчина, человек и др.) и достаточно широкого списка семантем в модели М-2 (хозяин, старик, бородатый, женатый и пр.), тогда как «правая» мотивационная потенция (образование новых слов на их базе)

¹² Устное сообщение в личной беседе.

¹³ Сообщено в ходе доклада на Школе по этнологии и фольклору (Переславль, май 2012 г.).

представляется у них достаточно слабой. Кроме, наверное, понятия «замужество», в котором, однако, проявляется тенденция к реализации третьей модели — М-3.

Отмеченная нами общая тенденция к зеркальности, параллельности, парности номинации мужа и жены, в основе которой лежит представление о браке как союзе двоих, описывается как модель М-3, условно — «муж как один из пары». В данной модели показалось уместным выделить три группы, различающиеся не только базовой семантикой, но и механизмом деривации. Так, в первой, довольно специфической группе (см. ниже), как можно предположить, обозначения мужа и жены возникают одновременно как парные. Во второй, предположительно, также отмечается парность, однако, как правило, обозначение мужа предстаёт как исходное, тогда как номинация жены оказывается производной. В третьей группе, признаемся, не очень численной, напротив, номинация мужа восходит к обозначению жены (или невесты) и, предположительно, также обусловлена тенденцией к зеркальности номинации.

Модель М-3-1: муж как «пара в упряжке»

Данный, на первый взгляд достаточно экзотический, семантический переход реализует представление о браке как в первую очередь совместном труде, а более конкретно — о паре волов (быков, коней и пр.), запряженных в одну упряжку и совместно тянущих «тяготы жизни»¹⁴.

Данная модель представлена в первую очередь русским *супруг* (*супруга*), восходящим к обще-слав. основе **pręg-* (см. [44, с. 3, 805]). Лексема засвидетельствована также в болг. (*съпруг*) и сербо-хорв. (*suprug*). Древнерусск. *спрругъ* ‘муж, супруг’ в свою очередь является заимствованием из старославянского *спрржгъ*, употребленном со значением ‘парная упряжка’ в качестве эквивалента к греч. ζεῦρος в контексте «я купил пять упряжек волов» (Лк. 14, 19) (см. [45, с. 684]). Ср., однако, употребление в мартовской минее так называемой Супральской рукописи (сер. XI в., записана в северо-восточной Болгарии) — *спрржгнжти сж* ‘пожениться’ [45, с. 667].

Аналогичное семантическое развитие наблюдается в свою очередь и у греческого ζεῦρος: ср. σὺ-ζυγός ‘муж, супруг’, букв. «со-упряжь», а также у его латинского когната — ср. *jugum* ‘ярмо, парная

упряжка’ → ‘брак, супруги’, ср. также *con-jugium* ‘брак, брачная пара, также — один из супругов’¹⁵.

Менее известным и описанным феноменом является аналогичное семантическое развитие в древнеирландском: ср. *mám* ‘ярмо’ при *commátus* ‘брак’, *commáim* ‘один из супругов, преимущественно — жена’. В «Этимологическом словаре древнеирландского языка» Ж. Вандриеса [46, с. 15] этимология др.ирл. лексемы *mám* представлена как «сомнительная», однако в работе [21, с. 257] предлагается соотносить ее с протогерм. **makaz* ‘равный, подходящий’, откуда также и скандинавские обозначения мужа: шведс. *make* (при *taka* ‘жена’), др.исл. *mágr* ‘свойственник (через брак)’ (см. [47, с. 375]), и дается предполагаемая этимология: **mag-mu-* > *mám*. Линия семантического развития в данном случае не совсем ясна. Если для скандинавского ареала супруги предстают как «ровни», то для древнеирландского, где лексема *mám* употребляется скорее перифрастически и с отрицательными коннотациями (ярмо, иго), можно сделать вывод о том, что брак в целом рассматривается как совместные и тягостные обязательства. Ср., однако, *Mám* в топонимике со значением ‘холм’, видимо: ярмо, дуга → изгиб, холм.

Предположительно, вся группа лексем реализует «семантику смежности», отсюда «пара волов» превращается в «супружескую пару» (в славянских языках, латинском и греческом), а идея равенства и парности развивает семантику «пары волов» и затем «ярма» с одной стороны и «супружества» — с другой. Возможно, указанная группа и кодируемые ею семантические комплексы нуждаются в дальнейшей разработке.

Модель М-3-2: муж как «(законный) друг»

Как принято считать, данная модель характеризует относительно позднее состояние лексико-семантической группы, для которой характерно равенство и относительная взаимная свобода. Так, традиционным германским «хозяевам» и уральским «старикам» в скандинавском ареале противопоставлены «друзья, товарищи, спутники» (на самом деле, указанные русские эквиваленты приведенных ниже лексем не полностью тождественны не только оригиналам, но и самим себе). Так, спутник может быть временным и случайным, тогда как друг — понятие более постоянное. В настоящее время соответствующий семантический переход отмечен в базе DatSemShift как

¹⁴ Ср. в базе данных DatSemShift переход # 8457 — *yoke* → *marriage*.

¹⁵ Ср. русск. разг. *захомутать* в значении «насильно или обманом женить».

2685 *companion* → *husband/wife* и представлен 13 реализациями, среди которых кроме приведенных ниже из скандинавских языков и венгерского интересно отметить рум. *soț* — основное обозначение мужа в румынском ← лат. *socius* 'друг, партнер по общему делу', при вторичном *soție* 'жена'. Ср. также переход # 1974 *friend* → *husband/wife*.

В двух скандинавских языках — норвежском и датском — существуют более формальные, официальные в сравнении с *mann/mand* наименования супруга как партнера: норв. *ektefelle* и дат. *ægtefælle*¹⁶ (от книжного глагола *ekte/ægte* 'жениться', в свою очередь связанного с прилагательным средневерхненемецкого происхождения *ekte/ægte* 'истинный, законный')¹⁷. Компонент *felle* (от др.сканд. *félag* 'общее хозяйство', родственной англ. *fellow*) используется преимущественно в сложных словах, обозначающих разного рода ситуации партнерства: ср. норв. *lidelsesfelle* 'товарищ по несчастью', *reisefelle* 'спутник, досл. партнер в поездке'; дат. *fagfælle* 'коллега, специалист в той же области', *kampfælle* 'соратник, досл. партнер по борьбе', *trofælle* 'единоверец, досл. партнер по вере'. Как и *make* и его когнаты, а также другие реализации модели МЗ, эти наименования используются безотносительно к полу супруга, обозначая и мужа, и жену, — см. типичный пример неререферентного употребления:

En udlænding har ifølge udlændingeloven ret til at blive familiesammenført med sin ægtefælle og med sine børn under 18 år — «Согласно закону об иммиграции, иностранец имеет право на воссоединение со своим супругом и детьми до 18 лет».

Семантическую параллель к переходу находим в венгерском языке. Как и в северогерманских языках, этот переход реализуется здесь в слове более формального регистра *házastárs* 'досл. товарищ по дому'. В отличие от скандинавского *felle/fælle* венгерская лексема *társ* (вероятно, изначально заимствованная из славянских языков — ср.

¹⁶ Характерно, что под влиянием этих лексем на основе других обозначений мужа/супруга возникли «комбинированные» наименования — норв. *ektemann, ektemake* и дат. *ægtemand, ægtetage* (данные по словарям: норв. [48] (последнее обращение — 25.10.2023), датск. [49] (последнее обращение — 25.10.2023), венг. [50] (последнее обращение — 20.10.2023)).

¹⁷ Отдельно следует отметить сходие с этими примерами нестертые метафоры, обнаруживающиеся в названиях супругов в северогерманских языках: дат. *livsledsager*, исл. *lífsförunautur* (досл. 'спутник по жизни'). Несмотря на образность этих обозначений и их прозрачную внутреннюю форму, они все же фиксируются как отдельные лексические единицы в словарях соответствующих языков и, как представляется, могут считаться полноценными фактами языка.

рус. *товарищ*) способна использоваться как самостоятельное слово (в значении 'товарищ, союзник'), но употребляется и в составе множества сложных обозначений партнеров по тому или иному занятию: *asztaltárs* 'сотрапезник, досл. партнер по столу', *fegyvertárs* 'товарищ по оружию', *iskolatárs* 'одношкольник'.

Отдельно следует отметить, что в последние десятилетия, по мере трансформации представлений о браке и нормализации долгих, по сути супружеских, отношений между официально не вступавшими в брак людьми, реализации модели М-З стали активно использоваться для описания таких отношений — см. англ. *partner* и соответствующие заимствования в других языках, в том числе в русском; венг. *barát* 'друг' и *barátnő* 'подруга', фр. *ami, copain* 'друг' и *amie, copine* 'подруга'. Более того, французские обозначения партнеров как друзей в последние годы настолько закрепились в узусе, что для описания собственно дружбы зачастую используется только позволяющее снять многозначность просторечное слово *pote*. Несмотря на то что для более детального описания обозначений мужа представляется целесообразным там, где это возможно, рассматривать значения 'друг' и 'партнер' изолированно, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что различие между ними в контексте описания брачных отношений зачастую стирается. Эта мысль дополнительно подтверждается тем фактом, что значения «партнер в том или ином деле» и «друг» могут выражаться одним словом — ср. рус. *товарищ по несчастью* и *Он мой товарищ*, фр. *camarade de classe* 'одноклассник' и *mon camarade*.

Расширение языкового материала, как и следует ожидать, предлагает новые реализации указанного семантического перехода, скорее опровергающие теорию о позднем происхождении данных номинаций и свидетельствующие о распаде брака как социального института. Ср., например, одно из обозначений супруга в македонском и сербо-хорватском (не засвидетельствованное в болгарском) — *брачен другар*. Более того, как показано в работе об обозначениях супругов в ареале Ямало-Ненецкого округа [28], представление о муже как о «товарище, спутнике, друге» характерно также и для языков Севера.

Мы можем предположить, что аналогичный семантический переход произошел еще в древнеирландском, когда значение 'партнер по браку' получила лексема *céile* с исходной семантикой 'друг, товарищ, дружинник, вассал' (лексема неясной этимологии, см. [51, с. 53]; [52]). Фиксируемое

в данном значении уже в языке глосс *céile* позднее расширило семантику и начало употребляться при обозначении жены (*bean chéile*).

Модель М-3-3: муж как «... жена»

Примеры реализации данной семантической модели в языках представлены относительно редко, так как существующая гендерная языковая направленность имеет тенденцию при создании парных номинаций скорее опираться на обозначение мужа (*хозяин* — *хозяйка*, *старик* — *старуха* и проч.). Однако ряд интересных случаев отметить можно.

В базе данных DatSemShift¹⁸ семантический переход *bride* → *husband* присутствует и обозначен номером 6621 со статусом single (то есть имеет всего одну реализацию, представленную диалектными румынскими данными, что, безусловно, нуждается в корректировке). В то же время в ней присутствует переход # 6602 *engaged* → *husband* (8 реализаций). Однако следует отметить, что описанный выше латинский переход *spōnsa* → *sponsus*, а затем *sponsus* → фр. *époux* ‘муж, супруг’ (зафиксированный также в других романских языках) представляется: 1. многоступенчатым и 2. базирующимся на идее договора, обручения, узаконивания отношений. Причем если во французском переход осуществился полностью, то в итальянском, например, *sposo* имеет значения ‘муж, жених’ и вытесняется в область мужа постепенно, ср. *sposo promesso* ‘жених’, букв. «обещанный жених». Ср. в русском аналогичное семантическое развитие у сочетания *обручальное кольцо*, которое, видимо, в силу ухода в прошлое церковного брака слилось и семантически, и функционально с кольцом *венчальным*¹⁹.

Близкий семантический переход отмечается и в современном испанском языке. Муж (как правило, фактический) получает обозначение *novio*, образованное от лексемы *novia* ‘невеста’²⁰.

Вторичное развитие при обозначении *мужа*, базирующееся на обозначении *жены*, отмечено М.Ю. Микитенко в славянских языках. Так, «в чешском языке широкое распространение имеет и слово *manželka* (аналогично польск. *małżonka*). Слово сложное, первоначально звучало

как *malžena*, т.е. *žena*, взятая *po malu*, или *po dogovoru*. Слово *mal* у горных немцев (Судеты) означает “судебное решение”, где объявляется брачный дар (*Mahlschatz*). <...> В соответствии с реализацией этих слов в устной речи по отдельным языкам (чеш. *manželka* — с метатезой *l* и *n*, в польск. *malžena*) в этих же языках появились аналогичные наименования супругов как пары: чеш. *manželstvo*, польск. *malženstwo*, а в более позднюю эпоху возник новый раздельный счет: чеш. *manžel~manželka*, польск. *malžen, malženka*» [53, с. 75–76].

Заключение

Исследование базировалось на данных языков Евразии, как современных, так и древних, причем с учетом диахронических переходов в области семантических сдвигов. Естественно, мы понимаем, что, несмотря на обширность материала, в поле анализа попали не абсолютно все языковые данные, что естественно. Однако, как мы предполагаем, выявленные модели-паттерны, по которым образуются номинации «мужа, супруга», были очерчены достаточно полно. Более того, как мы смеем надеяться, привлечение нового языкового материала, находящегося уже за пределами Евразии, лишь подтвердит нашу гипотезу об ограничении числа продуктивных семантических моделей. Вероятно, при этом ареальное их распространение будет несколько иным.

В работе, возможно, не достаточно исследовалось влияние языковых и культурных контактов на стратегию номинации супругов (их «диффузность», по определению В. Гаста и М. Копчевской-Тамм [54]), напротив, акцент ставился на типологических универсалиях, хотя в ряде случаев заимствования были отмечены. Однако для этого, как может показаться, есть мотивированное «априорное» объяснение: как отмечают авторы, «диффузность паттернов колексификации характерна скорее для лексической периферии» [54, с. 403], тогда как обозначения «мужа, супруга» входят, как известно, в расширенный список базовой лексики (207-словный). Однако, глядя сейчас уже *post factum* на динамику описанных паттернов-моделей, с одной стороны, и на обилие синонимов, сосуществующих даже на уровне одного идиолекта, мы невольно задаемся вопросом о правомерности включения данного понятия в состав **базовых** семантем. Анализ конкретных случаев употребления (а не словарных данных) выявил обусловленность выбора той или иной лексемы как коннотативным полем, так и ориентацией говорящего на адресат высказывания.

¹⁸ Дата обращения — 03.10.2023.

¹⁹ Ср. в поэме Лермонтова «Тамбовская казначейша»: Она на мужа посмотрела / И бросила ему в лицо / свое *венчальное* кольцо. Ср., однако, в псевдо-народной песне Ивана Сурикова (1841–1880): А жене скажи слово прощальное / передай кольцо *обручальное*.

²⁰ Анна А. Зализняк, личное сообщение.

В ходе обсуждения феномена было предложено: 1) обратиться к данным психолингвистики для обнаружения семантических аналогий и их интерпретаций; 2) предположить, что понятие «муж» (как и «жена») может вообще не относиться к ЛСГ «термины родства и свойства» и, более того, к области «базовой» лексики; 3) при анализе конкретных случаев употребления ориентироваться на коммуникативную стратегию говорящего, как и собственно Эго (в данном случае жена), так и третьих лиц, констатирующих в речепроизводстве сам факт состояния ЭГО с определенным лицом в определенных отношениях. Иными словами, можно сказать, что если такие однозначно (?) определенные лексические зоны, как, например, зоонимы, входят в зону **языка**, стратегия номинации и выбора термина «супруга» относится скорее к зоне **речи**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живлов М.А., Михайлова Т.А., Орлова М.В., Смирнитская А.А. Обозначения мужа: классификация моделей номинации (на базе лингвосемантического поля Евразии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 5–15.
2. Качинская И.Б. Принятые — люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 34–43.
3. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996.
4. Kelly F. (ed.) *Marriage Disputes. A Fragmentary Old Irish Law-text*. Dublin: DIAS, 2014.
5. De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998.
7. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris, 1939.
8. Найденова Л.П. «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве XVI века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 290–304.
9. Učida N., Rajapurohit B.B. *Kannada-English Etymological Dictionary*. Tokyo, Asian & African Lexicon, vol. 54: Tokyo University of Foreign Studies, 2013.
10. Kobayashi M., Tirkey B. *The Kurux Language: Grammar, Texts and Lexicon*. Brill's Studies in South and Southwest Asian Languages. xvii. Leiden and Boston: Brill, 2017.
11. Dinneen P.S. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla. An Irish-English Dictionary*. Dublin: Irish Texts Society, 1927.
12. Пунжина А.В. Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск: Каредия, 1994.
13. Tamil Lexicon. Madras: University of Madras, Diocesan Press, 1924–1936.
14. Winfield W.W. *A vocabulary of the Kui Language*. Calcutta: Asiatic society of Bengal, 1929.
15. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 20. М.: Наука, 1994.
16. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. München: Francke Verlag, 1959.
17. Mallory J.P., Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
18. Beeks R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden: Brill, 2009.
19. Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867.
20. Lehmann W.P. *Gothic etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1986.
21. Orel V. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill, 2003.
22. Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden: Brill, 1939.
23. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльманович. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1994.
25. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968.
26. Buck, Carl D. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
27. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1966.
28. Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Казакевич О.А., Букова С.И., Будянская Е.М., Муравьев Н.А., Коряков Ю.Б. Понятие «муж» и его отражение в диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории ямало-ненецкого автономного округа // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 2: Филология. С. 74–85.
29. Hellquist E. *Svensk Etymologisk Ordbok*. Band. I. Lund, 1970.
30. Cleasby R. *An Icelandic — English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1957.
31. Гуревич Е.А. Исландские пряди. М.: Наука, «Литературные памятники», 2017.

32. Hull V. (ed.) Noinden Ulad: The Debility of the Ulidians. *Celtica*. 1968, Vol. VIII, pp. 1–42.
33. Geiriadur Prifysgol Cymru, A Dictionary of the Welsh Language. Cardiff, 1951. URL: <http://geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html>
34. Вальгамова С.И., Кошкарева Н.Б., Онина С.В., Шиянова А.А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / Под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011.
35. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014.
36. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
37. Бармич М.Я., Вэлло И.А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Филлиал изд-ва «Просвещение», 2002.
38. Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецо-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.
39. Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2001.
40. Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2005.
41. Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021.
42. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
43. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука, 1996.
45. Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1984.
46. LEIA 1960 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. M, N, O, P. Paris: CNRS, 1960.
47. De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1962.
48. Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <http://ordbokene.no>.
49. Den Danske Ordbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://ordnet.dk/ddo>.
50. Magyar értelmző kéziszótár. Budapest, 1978. URL: <https://classes.ru/all-hungarian.ru>.
51. LEIA 1987 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. C. Paris: CNRS, 1987.
52. Mikhailova T. Масс, cailin and ceile — an Altaic element in Celtic? *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Bonn, 2007. Ed. H. Tristram. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, pp. 4–24.
53. Мукитенко Н.Ю. Индоевропейские истоки терминов родства и системы брачных отношений в славянской культурно-языковой традиции // Алгебра родства. Вып. 14. 2012. С. 75–83.
54. Gast V., Koptjevskaja-Tamm M. Patterns of persistence and diffudibility in the European lexicon. *Linguistic Typology*, 2022, Vol. 26 (2), pp. 403–438.

REFERENCES

- Zhivlov, M.A., Mikhailova, T.A., Orlova, M.V., Smirnitckaya, A.A. *Oboznacheniya muzha: klassifikaciya modelej nominacii (na baze lingvosemanticheskogo polya Evrazii)* ["Husband" Designations: A Classification of Nomination Models (In the Linguo-Semantic Field of Eurasia)]. *Izvestia Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i azyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 5–15. (In Russ.)
- Kachinskaya, I.B. *Prinyatyje — lyudi proklyatyje: nominatsiya muzha, prishedshego zhit' v dom zheny (po materialam archangelskih govorov)* [A Husband Who Came to Live in His Wife's House: Denomination and Motivation (in Arkhangelsk Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2019, Vol. 11, pp. 34–43. (In Russ.)
- Induizm. Džainizm. Sikhizm. Slovar. Red. M.F. Albedil, A.M. Dubiansky* [Hinduism. Jainism. Sikhism. A Dictionary. Ed. M.F. Albedil, A.M. Dubiansky]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russ.)
- Kelly, F. (ed.) *Marriage Disputes. A Fragmentary Old Irish Law-text*. Dublin, DIAS Publ., 2014.
- De Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill Publ., 2008. (In Russ.)
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovij slovar russkogo jazyka. 4-e izdanie, dopolnennoe*. [Explanatory Dictionary of Russian. The 4th Completed Edition]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. (In Russ.)
- Ernout, A., Meillet, A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris, 1939.
- Naidenova, L.P. *Svoi i tchujie d Domostroe. Vnutri-semejnie otnoshenia v Moscve XVI veka* ['Ours' and 'Others' in Domostroy. Inter-Family Relations in Moscow in the 14th Century]. *Chelovek v krugu semji. Otcherki istorii tchasnoj jusni v Evrope do nachala novogo vremeni. Pod. red. J.L. Bessmertnogo* [A Person in its Family. Studies on Private Life in Europe before

- Modern Time. Ed. by J.L. Bessmetrniy]. Moscow: RSUH Publ., 1996, pp. 290–304 (In Russ.)
9. Učida, N., Rajapurohit, B.B. *Kannada-English Etymological Dictionary*. Tokyo, Asian & African Lexicon, Vol. 54: Tokyo University of Foreign Studies, 2013.
 10. Kobayashi, M., Tirkey, B. *The Kurux Language: Grammar, Texts and Lexicon*. Brill’s Studies in South and Southwest Asian Languages. xvii, Leiden and Boston, Brill Publ., 2017.
 11. Dinneen, P.S. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla*. An Irish-English Dictionary. Dublin, Irish: Texts Society Publ., 1927.
 12. Punzhina, A.V. *Slovar karelskogo jazuka: tverskie govory* [Karelian Dictionary: Tver Dialects]. Petro-savodsk, Karelia Publ., 1994. (In Russ.)
 13. *Tamil Lexicon*. Madras: University of Madras, Diocesan Press, 1924–1936.
 14. Winfield, W.W. *A vocabulary of the Kui Language*. Calcutta: Asiatic society of Bengal, 1929.
 15. *ESSIA — Etimologičeskij slovar slavjanskij jazikov* [Etymologic Dictionary of Slavonic]. Vol. 20. Moscow: Nauka Publ., 1994. (In Russ.)
 16. Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. München: Francke Verlag, 1959.
 17. Mallory, J.P., Adams, D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
 18. Beeks, R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden: Brill Publ., 2009.
 19. Lavrovskiy, P.A. *Korennoe znachenie v nasvaniah rodstva u slavjan* [Basic Meanings in Slavonic Kinship Terminology]. St. Petersburg, 1867. (In Russ.)
 20. Lehmann, W.P. *Gothic etymological Dictionary*. Leiden: Brill Publ., 1986.
 21. Orel, V. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill Publ., 2003.
 22. Feist, S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden: Brill Publ., 1939.
 23. *Zakony Manu* [Manusmriti, Laws of Manu]. Transl. S.D. Elmanovich. Moscow: Ecsmo-Perss Publ., 2002. (In Russ.)
 24. Chernyh, P.J. *Istoriko-etymologičeskij slovar sovremennogo russkogo jazika* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian]. Vol. 1–2, Moscow: Russkij jazik Publ., 1994. (In Russ.)
 25. Glare, P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968.
 26. Buck, C.D. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
 27. Bernstein, S.B. *Bolgarsko-Russlij Slovar* [Bulgarian Russian Dictionary]. Moscow: Russkij jazik Publ., 1966. (In Russ.)
 28. Koshkareva, N.B., Kashkin, E.V., Kazakevich, O.A., Burkova, S.I., Budyanskaya, E.M., Muravyov, N.A., Koryakov, Yu. B. *Ponoatie ‘muš’ i ego otrajenie v dialektologičeskome atlase uralskij jazikov, rasprostranennyh na territorii jamalo-neneckogo avtonomnogo okruga* [The Concept ‘Husband’ and its Reflection in the Dialectological Atlas of Uralic Languages Spoken on the Territory of Yanalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Vestnik NGU. Seria istoria, filologija* [NGU Papers. Series: History and Philology]. 2017, Vol. 16, No. 2, pp. 74–85. (In Russ.)
 29. Hellquist, E. *Svensk Etymologisk Ordbok*. Band I. Lund, 1970.
 30. Cleasby, R. *An Icelandic — English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1957.
 31. Gurevich, E.A. *Islandskie priady* [Islandic Minor Tales]. Ed. by E.A. Gurevich with translation and commentary. Moscow: Nauka Publ., “Literary monuments”, 2017. (In Russ.)
 32. Hull, V. (ed.) *Noinden Ulad: The Debility of the Uli-dians*. *Celtica*. Vol. VIII, 1968, pp.1–42.
 33. *Geiriadur Prifysgol Cymru, A Dictionary of the Welsh Language*. Cardiff, 1951. URL: <http://geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html>
 34. Valgamova, S.I., Koshkareva, N.B., Onina, S.V., Shyanova, A.A. *Dialektologičeskij slovar hantijskogo jazika (shuryshkarskij i priuralskij dialekt)* [Dialect Dictionary of Khanty Language (Shurishcar and Near-Uralic Dialects)]. Ed. by N.B. Koshkareva. Ecat-erinburg: Basco Publ., 2011. (In Russ.)
 35. Solovar, V.N. *Hantijsko-russkij slovar’ (Kasymskij dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kasym Dialect)]. Tumen: Format Publ., 2014. (In Russ.)
 36. Teretshenko, N.M. *Nenecko-russkij slovar’ [Nenets-Russian Dictionary]*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1965. (In Russ.)
 37. Barmich, M.J., Vello, I.A. *Slovar nenetsko-russkij i russko-neneskij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest Diealekt)]. St. Petersburg: Prosvetshenie Publ., 2003. (In Russ.)
 38. Sorokina, I.P., Bolina, D.S. *Enetsko-russkij slovar* [Enets-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. (In Russ.)
 39. Kosterkina, N.T., Momde, A.Ch., Zhdanova, T.J. *Slovar’ nganasansko-russkij i russko-nganasanskij* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan Dictionary]. St. Peresburg: Prosvetshenie Publ., 2001. (In Russ.)
 40. Bykonía, V.V., Kusnetsova, N.G., Maksimova, N.P. *Selkupsko-russkij dialektnyj slovar* [Selkup-Russian Dialect Dictionary]. Tomsk: Tomsk Educational University Press, 2005. (In Russ.)
 41. Prokopieva, G.E., Prokopieva, A.E. *Jukagirsko-russkij slovar (jazik lesnih jukagirova)* [Yukaghir-Russian Dictionary (Forest Yukaghir Language)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2021. (In Russ.)

42. Kluge, Fr. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
43. Tolstaya, S.M. *Prostranstvo slova. Lexicheskaia semantika v obtchoslavianskoj perespektive* [Space of a Word. Lexical Semantic and its Common Slavonic Focus]. Moscow: Indrik Publ., 2008. (In Russ.)
44. Vasmer, M. *Etymologisches Wörterbuch der russischen Sprache*. [Etymological Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg: Asbuka Publ., 1996. (In Russ.)
45. Ceitlin, R.M., Večerka, R., Blagova, E. *Staroslavianskij slovar (po rukopisiam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (According to the 10th–11th Centuries Manuscripts)]. Moscow: Russkij jazik Publ., 1984. (In Russ.)
46. LEIA 1960 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. M, N, O, P. Paris: CNRS, 1960.
47. De Vries, J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill Publ., 1962.
48. Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <http://ordbokene.no>.
49. Den Danske Ordbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://ordnet.dk/ddo>.
50. Magyar értelmező kéziszótár. Budapest, 1978. URL: <https://classes.ru/all-hungarian.ru>.
51. LEIA 1987 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes, C. Paris: CNRS, 1987.
52. Mikhailova, T. Macc, cailin and ceile — an Altaic element in Celtic? *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Bonn, 2007. Ed. H.Tristram. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, pp.4–24
53. Mikitenko, N.J. *Indoevropskie istoki terminov rodstva i sistemy brachnyh otnoshenij v slavianskoj kulturno-jazikovej tradicii* [Indo-European Roots of Kinship Terminology and Marriage in Slavonic Languages and Culture]. *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. 2012, Vol. 14, pp. 75–83. (In Russ.)
54. Gast, V., Koptjevskaja-Tamm M. Patterns of persistence and diffudibility in the European lexicon. *Linguistic Typology*. 2022, Vol. 26 (2), pp. 403–438.

Дата поступления материала в редакцию: 25 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 ноября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 25, 2023

Revised on November 3, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024